

ПЕРЛАТОВА Ю.А.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В Обломовку

Юлия Перлатова

Возвращение в Обломовку

<https://litres.ru/74081958>

SelfPub; 2026

Аннотация

Шестнадцатилетний Андрей Ильич, сын Ильи Ильича, воспитанный под строгим и деятельным надзором своего крёстного отца Андрея Штольца, покидает Петербург. Он отправляется в родовое гнездо — сонную и забытую Обломовку, чтобы вступить в права наследства.

Прибыв в имение ранней весной, юный наследник окунается в совершенно иной мир, полный не идиллического покоя, а суровых реалий переломной эпохи. Его романтические грёзы рушатся, когда он становится свидетелем крестьянского мятежа, вызванного болезненной отменой крепостного права. В центре этого хаоса оказывается бывший управляющий Затёртый — хитрый и мстительный интриган, изгнанный из поместья. Желая вернуть себе власть и отомстить за прошлое унижение, он умело манипулирует гневом мужиков, плетёт козни и стремится очернить молодого барина в глазах односельчан, провоцируя открытый бунт.

Содержание

Глава 1	4
Дело пахнет кровью.	4
Глава 2	23
Незнакомец в трактире.	23
Глава 3	36
Затёртый.	36
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Юлия Перлатова

Возвращение в Обломовку

Глава 1

Дело пахнет кровью.

В доме Агафьи Матвеевны Пшеницыной, на Выборгской стороне, время, казалось, остановилось и растворилось в монотонном течении дней. Эта однообразность порождала особую, почти осязаемую тишину, сотканную из мириад самых обыденных звуков, которые в любом другом месте слились бы в назойливый шум. Гул самовара на кухне был не резким свистом, а низким, бархатным пением, обещающим тепло. Мерное постукивание вязальных спиц в руках хозяйки отбивало такт не суетливому бегу времени, а спокойному сердцебиению самого дома. Даже звон посуды или хлопанье печной заслонки не резали слух, а вплетались в общую мелодию быта. И всё же, при всей своей внешней кипучести, эта тишина оставалась такой же покойной и дремотной в своей основе, как и та, что убаюкивала Обломова на Гороховой. В этом размеренном, годами отлаженном укладе, душа Ильи Ильича, терзаемая редкими укорами совести и бесплодными

мечтами, наконец-то обрела долгожданный приют.

Хозяйка дома Агафья Пшеницына не читала книг и не рассуждала о высоком, но в простоте своей дошла до такого понимания жизни, которое иным философам и не снилось. Она угадывала желания мужа по движению бровей: варила кофе, какого он не пил даже в лучшие дни на Гороховой; пекла пироги, чей аромат обещал вечное блаженство. И теперь, в этой тихой гавани Илье Ильичу снился сон. В нём не было ни зелёных аллей родной Обломовки, ни ласкового голоса няни. Ему снилась пустота — серая, холодная и вязкая.

Илья Ильич открыл глаза.

— Захар! — позвал он тихим голосом.

Коморка слуги располагалась сразу за покоем Обломова, отделенная лишь тонкой перегородкой. В час, когда обед в доме уже закончился, Захар, по обыкновению, дремал на своей лежанке и не слышал слабого зова барина. Это невнимание не было чем-то новым; оно лишь подтверждало давно сложившийся уклад жизни. Захар никогда не спешил на голос господина, а теперь, когда годы добавили к лени ещё и глухоту, надеяться на его скорое появление стало и вовсе занятием бессмысленным.

Илья Ильич, не дождавшись ответа, с досадой и раздражением ударил кулаком в стенку:

— Захар! Только тогда послышалось недовольное бурчание и знакомое шарканье ног по полу.

Лакей вошёл — всё тот же: небритый, помятый, в заса-

ленном сюртуке.

— Чего изволите? — буркнул он, глядя в угол.

— Поди-ка сюда... Сядь.

Слуга с удивлением посмотрел на господина. Тот редко просил его сесть.

— Слушай меня внимательно, Захар... Я чувствую, что недолго мне осталось. Дело моё житейское кончено.

Захар только шумно вздохнул и вытер нос рукавом.

— А вот Андрюша, продолжал Илья Ильич. Ты на него глядишь... Что в нём видишь? На кого он похож?

Лакей пожал плечами:

— Да как сказать? Барчук растёт. В вас пошёл. Такой же барин.

Слово «такой же барин» в устах Захара было приговором. Для него это означало не знатность, а образ жизни: ожидание, что всё сделают слуги, отсутствие хозяйской хватки, созерцание вместо действия. Это было именно то, от чего Илья Ильич хотел уберечь сына. Он прикрыл глаза.

— Принеси мне бумаги и чернил. И позови барыню.

Лакей вышел и вскоре вернулся с письменными принадлежностями. Вслед за ним в комнату тихо вошла Агафья Матвеевна. Она встала у двери и молча смотрела на мужа.

Собрав последние силы, Илья Ильич начал писать, то и дело останавливаясь, чтобы перевести дух. Эта послание совсем не походило на те, что он сочинял во времена любви к барышне Ильинской — тогда строки пылали страстью и на-

деждой, а слова лились легко и горячо. Не напоминало оно и неуклюжую записку к старосте, которую Обломов пытался составить лёжа на Гороховой, мучительно подбирая каждое слово и путаясь в мыслях.

Теперь, после двух апоплексических ударов, мысли текли медленно, движения давались с трудом, но ум оставался светлым. В этих строках, выведенных дрожащей рукой, Илья Ильич высказывал Штольцу последнюю просьбу — взять Андрея на воспитание и сделать из него человека, не такого, как сам Обломов.

— Вот... — сказал он, протягивая письмо. — Отдашь это Андрею Ивановичу... когда меня не станет. Он всё поймёт.

Агафья Матвеевна покорно склонила голову, давая мужу обещание. Прижав платок к губам, чтобы заглушить рвущийся стон, она отвернулась к окну и по щекам покатались ручейки слез.

Дом Штольца являл собой полную противоположность дому на Выборгской стороне. Жизнь в нем подчинялась строгому и разумному укладу: день начинался едва солнечный луч касался верхушек старых яблонь. Здесь всегда пахло свежим деревом, типографской краской и крепким утренним кофе. После совместного завтрака Андрей Иванович уезжал по делам: на фабрику, в банк или в присутствие. Женитьба на Ольге Сергеевне и рождение детей не усмирили кипучую натуру немца, а лишь придали ей новое направление. Беспрестанные вояжи по Европе уступили место кро-

потливому управлению разросшимся именем Ольги и собственными промышленными предприятиями. Штольц представлял собой одного из тех «новых людей», что двигали вперёд производство и развитие страны.

Ольга Сергеевна вела дом и занималась делами не менее важными. Она читала новейшие педагогические труды, помогала мужу в его благотворительных проектах, а также обучала дочь Оленьку игре на фортепиано и пению, разучивая с ней неизменную *Casta Diva*.

По прошествию десяти лет красота Ольги Сергеевны не увяла, а обрела благородную глубину: на лице отпечатались не только годы семейного счастья, но и следы внутренних переживаний, делающие её облик особенно выразительным. Фигура женщины обрела мягкую округлость, что приходит с годами и материнством.

Вечером семья собиралась вместе. Штольц рассказывал о новостях: строительстве железных дорог, реформах, делах на бирже. Ольга Сергеевна обсуждала с детьми прочитанные книги или планы на следующий день. Часто к ним присоединялись гости — такие же энергичные и образованные люди: инженеры, врачи, учителя.

В этом мире, где действия, мысли и чувства существовали в неразрывном единстве, Штольц воспитывал своих детей и Андрея, сына покойного друга.

Теперь все трое сидели в большой светлой комнате, склонившись за уроками.

Оленька в свои тринадцать лет уже обещала стать точной копией матери. Она сидела прямо, с книгой в руках, взгляд её был сосредоточенным и серьёзным. В движениях отсутствовала детская суетливость—каждое действие отличалось врождённым достоинством и внутренней собранностью.

Энергичный, живой и немного шумный одиннадцатилетний Владимир, походил на Штольца своей «неуемной жаждой деятельности». Глаза мальчика горели от любопытства; не в силах оставаться на месте, он ходил по комнате, шепча условия задачи и рассуждая о её решении вслух.

Андрей Ильич, или просто Андрюша, был самым тихим из троих. В его мягких чертах лица безошибочно угадывался покойный отец. Он сидел чуть поодаль, погружённый в свои мысли, и смотрел на брата и сестру с мягкой, немного грустной улыбкой.

—Ну же, Андрюша! Решай задачу! Ты опять спишь с открытыми глазами! — тормозила его Оленька.

Андрей вздрогнул:

— Прости... я задумался о том месте у Гомера...

Владимир фыркнул:

— Опять Гомер! У нас завтра контрольная по арифметике!

Лень Андрюши отличалась от отцовской, насколько вообще могут быть различны два вида бездействия. Это была не апатия природы, а скорее лень деятельного ума, который он не желал тратить на пустяки.

— Ты, ей-богу, как Илья Ильич! — в сердцах воскликнул Владимир, захлопывая учебник.

В его голосе, однако, отсутствовала настоящая злость — лишь знакомая всем в доме добродушная насмешка.

Про Обломова в их семье вспоминали часто: стоило кому-то впасть в то сонное оцепенение, когда на лице застыла ленивая скука и пропадало всякое желание действовать, как родители качали головой и говорили: «Смотри-ка, опять обломовщина одолела!»

Владимир смерил брата долгим взглядом.

— Илья Ильич хоть спал всё время. А ты... ты не спишь, но при этом умудряешься витать в облаках, как ему и не снилось.

— Оставь его, Володя, — мягко сказала Оленька, поправляя локон.

— Андрюша, не думай о Гомере. Просто напиши решение, как учил рара. А после мы все вместе почитаем вслух ту сцену, что тебя так увлекла.

Андрей благодарно улыбнулся сестре.

Оленька имела на братьев особое влияние. В её присутствии даже самый яростный спор Владимира и Андрея затихал, уступая место спокойной беседе.

В этот момент дверь в комнату отворилась, и вошёл Андрей Иванович Штольц—подтянутый и бодрый, как всегда, он словно бросал вызов самому времени. Седина на висках была единственным напоминанием о прошедших годах, но

даже она выглядела не признаком увядания, а печатью характера.

В руках Штольц держал свежие газеты и несколько писем.

— Ага! — воскликнул он с улыбкой, окидывая взглядом картину мирной учёбы.

— Я вижу, вы уже почти закончили? Отлично. Оленька, ты сможешь мне разобрать корреспонденцию? Владимир, тебе нужно будет проверить расчёты по смете для новой школы в Парголово. А ты, Андрей... — он подошёл к пасынку и положил руку ему на плечо, — ты уже решил задачу?

— Почти, *rara*, — ответил Андрей, — в его голосе прозвучала мягкая почтительность, с какой он говорил с приемным отцом.

— Не торопись. Главное — понимание. Но после зайди ко мне в кабинет.

В просторной комнате, залитой ровным светом послеполюденного солнца, стало тихо. Даже Владимир, собиравшийся было возразить что-то по поводу сметы для школы, замер с открытым ртом. Оленька сочувственно посмотрела на брата и легонько сжала его руку под столом.

Андрей поднял глаза на отчима. В них не было ни удивления, ни испуга, лишь глубокая, затаённая печаль — та самая, что отличала его от порывистого Владимира и рассудительной Оленьки.

— Хорошо, *rara*, — тихо сказал он. — Я зайду.

Штольц кивнул, его лицо, обычно открытое и энергичное,

на мгновение стало серьёзным и почти строгим. Немец окинул всех троих быстрым взглядом, словно проверяя, всё ли в порядке в его маленьком государстве, и вышел, плотно прикрыв за собой тяжёлую дубовую дверь.

Андрей медленно поднялся и направился в кабинет отца. Он любил Штольца как родного отца, но здесь, среди книг и строгой немецкой практичности, невольно ощущал себя чужаком, заглянувшим в мир, устроенный по иным законам.

Штолец не сидел за столом. Он стоял у окна, задумчиво глядя на ухоженный сад, где последние лучи солнца освещали лозы виноградника у стены дома.

Когда мальчик вошёл, он обернулся.

— Присядь, Андрей, — сказал Штолец, указывая на кресло. — Нам нужно поговорить.

Кресло было слишком большим для его подростковой фигуры, и Андрюша в нём почти утонул — совсем как Обломов когда-то на своём диване. От этой мысли по телу пробежала дрожь.

Штолец подошёл и сел в кресло напротив, подавшись чуть вперёд и сложив руки на коленях. Немец смотрел на Андрея не как отец на сына, а как учёный на интересный, но пока непонятный ему феномен.

— Я наблюдал за тобой сегодня, — начал Штолец без предисловий. — И вчера. И позавчера. Ты сидишь над книгами, но твой ум блуждает где-то далеко. Ты споришь с Влади-

миром о числах, но тебе скучно. Ты читаешь Гомера, когда нужно решать задачу по арифметике.

Андрей молчал, опустив голову и разглядывая сложный узор на персидском ковре. Я не слепой, сынок, — голос Штольца потеплел. — Я вижу эту тоску в твоих глазах. Я знаю этот взгляд. Я видел его раньше.

Юноша вздрогнул и поднял глаза.

— Это не лень, Андрей Ильич, — твёрдо сказал немец, называя его по имени-отчеству, как взрослого.

— Лень — это апатия, тупость духа. А в тебе кипит работа мысли. Ты не ленив. Ты... неспокоен.

Он встал и подошёл к камину, где на полке стояли часы с бронзовыми фигурками.

— Владимир весь снаружи. Его энергия бьёт ключом, он хочет строить, считать, побеждать. Ты — весь внутри. Твоя сила — в созерцании. В поиске гармонии там, где другие видят лишь хаос цифр или сухой текст законов.

Штолец повернулся к нему.

— Я воспитывал тебя так, как считал правильным. По своему образу и подобию — деятельным, сильным, идущим вперёд. Но я начинаю понимать, что могу сломать то главное, что в тебе есть.

— И что же мне делать, рара? — тихо спросил Андрей, не смея поднять глаз. — Бросить учёбу? Вернуться на Выборгскую сторону?

Штолец вернулся к своему столу, но не сел в кресло, а

опёрся о его край, глядя на пасынка сверху вниз.

Лишённая всякой иронии усмешка, тронула его губы.

— Вернуться? — переспросил немец. — Вернуться в сон, который есть не что иное, как медленное угасание? Нет, Андрей. Твой отец нашёл там свой покой. Он был счастлив в небытие.

Штольц сделал паузу, подбирая слова.

— Я говорю не о бегстве. Я говорю о поиске. О том, чтобы найти своё действие. Не то, которое диктует общество или я. А то, которое диктует твоя душа.

— Я не знаю, где оно, это «своё», прошептал мальчик.

— Узнаешь, — твёрдо сказал Штольц. — Когда придёт время. А пока учись. Учись всему. И цифрам, и законам, и Гомеру. Знание — это сила, которая поможет тебе не заблудиться. Ищи свой путь, Андрей, но помни: путь созерцателя — это не тропинка к дивану.

Он подошёл к сыну и похлопал по плечу.

— Ты не Обломов. Ты — Андрей Ильич Штольц. И ты найдёшь свою дорогу.

После этого разговора прошло 3 года.

Шестнадцатилетний Андрей отличался высоким ростом и худощавым телосложением. В его облике безошибочно угадывался покойный отец; те же мягкие черты лица, добрые светлые глаза и сердечная отзывчивость, за которую так любили старшего Обломова Штольц и Ольга. Однако взгляд сына был совсем иным — ясным, цепким и осмысленным, в

нём отсутствовала и тень былой мечтательности.

Андрей удивительным образом сочетал в себе склонность к философии и поэзии, унаследованную от родного отца и твёрдое понимание точных дисциплин, привитое отчимом.

Молодой Обломов блестяще окончил гимназию с золотой медалью и собирался поступать в университет на юридический факультет, но всё медлил, словно ожидая чего-то. Он то и дело вспоминал разговор со Штольцем в кабинете и боялся ошибиться, приняв неправильное решение.

Однажды утром немец вошёл в столовую к завтраку с лицом мрачнее тучи. В руке он держал распечатанный конверт с сургучной печатью.

— Плохие вести из Обломовки, — сказал Штольц без предисловий, и все разговоры за столом стихли.

— Пишет староста. Крестьяне бунтуют: отказываются от барщины, требуют раздела господских угодий и не хотят платить выкупные платежи. Мой управляющий Антип вынужденно покинул Обломовку. Дело пахнет кровью.

За столом повисла тяжёлая тишина...

За 3 дня до этого события.

Андрей Иванович состоял в Редакционной комиссии под председательством генерала Строгова, той, что занималась подготовкой закона об отмене крепостного права. Хоть Штольц тоже был помещиком, он придерживался мнения, что стоять на пути лавины бессмысленно; чтобы уцелеть под ее натиском, нужно не бежать, а учиться управлять потоком.

Расчётливый немец предвидел: для таких усадеб, как Обломовка, реформа означает не только освобождение крестьян, но и полный крах старого уклада. Проблема состояла в том, что крестьян освободят без земли. Пока в каждую деревню огромной России доедет грамотный человек, составит уставные грамоты и всех рассудит. До этого времени всё будет по-прежнему: с оброком, барщиной и прочими повинностями. Земля останется в собственности помещиков, а значит, крепостному придётся ещё долго работать на барина — пока не выкупит у него свой надел.

Дома эти вопросы становились предметом долгих вечерних разговоров с Ольгой.

— Ты говоришь о свободе для крестьян, Андрей, — однажды сказала Ольга, отложив книгу. — Но разве не станет эта свобода для многих лишь новой формой неволи? Ведь без земли, без средств к жизни — что им даст освобождение?

— Закон ещё не принят, но уже сейчас ясно: помещики потеряют часть власти. Крестьяне ждут чуда. А чуда не будет. Будет труд, будет борьба. Илья Ильич оставил имение без управления, все держится только на контроле моего управляющего из Верхлева Антипа.

Ольга подошла к окну, вглядываясь в сумрачную чашу старого сада.

— Значит, тебя тревожит не положение крестьян, а судьба Обломовки? Что Андрей останется ни с чем и потеряет своё наследство?

— Я боюсь за всех нас, Ольга. За Россию. За то, что перемены могут обернуться хаосом. Но стоять на месте нельзя. Мы должны быть готовы к тому, что привычный мир рушится.

Как то проходя по Гороховой, Штольц видел, как в сгущающихся сумерках к тринадцати съезжим дворам тянутся бесконечные обозы. На телегах, прикрытых рогожей, лежали розги — тысячи свежих прутьев, заготовленных для усмирения непослушных. За телегами чеканили шаг солдатские роты. Правительство готовилось к народным волнениям.

Вот настало утро семнадцатого марта. Манифест об освобождении крестьян был зачитан. В Петербурге обстановка оставалась спокойной, так как большинство крестьян в это время уже разъехались с сезонных работ по деревням. Но там, в приходских церквях, где батюшки читали с амвона «Крепостное право... отменяется навсегда», воцарилась не радость, а глухое, тяжёлое недовольство, готовое в любой момент прорваться наружу.

— Так ещё два года! — слышалось в толпе.

— Нас надули!

И вот теперь эта буря докатилась до порога Обломовки.

Андрей Ильич медленно поднялся из-за стола. Его лицо, обычно спокойное, сейчас казалось высеченным из камня, а в глазах читалась холодная решимость — в них не было ни тени сомнения, только ясное понимание, как нужно действовать.

— Я должен ехать, — тихо, но твёрдо сказал Андрей Ильич.

Все взгляды обратились на него.

— Ты? — переспросил Штольц, в его голосе прозвучало сомнение.

— Но ты же никогда не управлял имением. У тебя нет ни малейшего опыта в хозяйственных делах.

— Это моя земля и мои люди, рара, — Андрей Ильич встал. В его фигуре уже не было подростковой мягкости. Перед Штольцем стоял молодой мужчина.

— Я не могу отправить туда солдат или приказчиков. Они должны увидеть меня.

Для Штольца содержание Обломовки было священным долгом перед отцом Андрея. Он превратил убыточную деревню в процветающее хозяйство, чтобы однажды передать её законному наследнику. Но для Андрея это было нечто большее. Это была земля отца, колыбель его рода, место, где текла кровь Обломовых. И хотя он никогда там не был, — чувствовал с ней неразрывную связь.

Штольц долго смотрел на Андрея. В его взгляде смешались гордость и глубокое удовлетворение. Он слишком хорошо помнил своего друга Обломова — того, кто годами откладывал поездку в деревню, предпочитая посылать вместо себя кого угодно, лишь бы не ехать самому. И чуть не лишился родового гнезда из за проделок брата Пшеницыной и его товарища Затертого, если бы Штольц вовремя не вме-

шался.

Но его сын был другим.

— Ты прав, ехать надо, но не в Обломовку — там сейчас опасно. Сначала нужно всё выяснить. Поезжай инкогнито в Верхлёво, найди Антипа и расспроси его. И помни: не рискуй! Если что-то пойдёт не так, если бунт станет неуправляемым, немедленно обратись к Исправнику. Он единственный, кто может вызвать войска для наведения порядка.

Сборы заняли два дня. Несмотря на тревожную срочность вестей, Штольц не мог отпустить пасынка в путь неподготовленным. Нужно было собрать документы для оформления наследства, подготовить припасы в дорогу и продумать план действий.

В день отъезда ранним утром на крыльцо вышла вся семья.

Андрей оделся просто, по-дорожному. На дворе стоял конец марта— временами выглядывало робкое солнце, а порой налетал такой ветер, что небо затягивали серые тучи. В такую переменчивую пору крепкие сапоги и тёплый сюртук были как нельзя кстати. По одежде Андрея Ильича нельзя было угадать в нем молодого барина— скорее молодой человек походил на бедного родственника, едущего на поклон, или юного клерка, отправленного с поручением.

Ольга Сергеевна подошла к пасынку. Её глаза застилали слёзы.

В спокойном, мягком взгляде и неторопливых, плавных

движениях Андрюши Ольга узнавала отражение Ильи Ильича. Она вспомнила не только первую любовь, но и миг сомнения в ней. Это случилось однажды, в минуту мучительной исповеди перед Штольцем. Новое чувство, родившееся во время их встречи за границей, заставило Ольгу Сергеевну усомниться в прошлом. А была ли любовь к Илье Ильичу настоящей? Не было ли это лишь гордыней, обманчивой верой в то, что она способна его изменить? Тогда, ища в глазах Штольца не столько оправдания, сколько окончательного решения, девушка получила ответ: то была ошибка... Но теперь, глядя на сына Ильи, Ольга Сергеевна была твердо уверена: ее любовь к Обломову была настоящей. В Андрее она видела не просто мальчика, которого вырастила, а свою победу в борьбе, которую вела с «обломовщиной» и которую смогла завершить, воспитав его сына.

Андрей,— её голос был едва слышен, но в нём звучала вся сила её души. — Я не знаю, что ждёт тебя впереди. Но в одном уверена твердо: куда бы ты ни поехал, в моём сердце у тебя есть дом. Я люблю тебя. Люблю как родного сына.

Андрей порывисто шагнул к Ольге Сергеевне и поцеловал ее руку.

— Я не подведу тебя, *тата*, клянусь!

Затем взгляд юноши обратился к отчиму, который стоял у коляски, заложив руки за спину.

Они смотрели друг на друга молча. В этом молчании был итог тринадцатилетнего воспитания — всей той неустанной

работы, которую Штольц вложил в сына Обломова. Перед мысленным взором пронеслась сцена из собственного детства: как отец, Иоганн, провожал его самого на пороге их усадьбы в Верхлево. Никакой слезы и лишней сентиментальности — лишь твёрдое рукопожатие и наказ «Нихт цацки махен!» («Без глупостей!»). Тогда родитель отправлял его в большой мир, чтобы тот научился жить своим умом. Теперь же роли поменялись: Андрей Иванович сам стоял на пороге дома и готовился отпустить сына в самостоятельную жизнь.

Наконец Штольц нарушил тишину:

— Ну что ж... В добрый путь. Он подошёл ближе и крепко обнял Андрея.— Ты всё правильно решил, — голос Штольца был ровным и спокойным. — Теперь главное — не сомневайся. Власть признают только тогда, когда видят её уверенность. Помни об этом.

Андрей отстранился и посмотрел ему прямо в глаза:

— Я помню!

Следующим к юноше шагнул сводный брат Владимир и молча пожал руку, глядя на него с нескрываемым уважением.

Тут же, не в силах больше ждать, на шею к Андрею бросилась Оленька. Она обняла его и еле сдерживая слезы, уткнулась лицом в плечо.

— Берегите себя, брат— чуть слышно прошептала девушка.

Андрей Ильич сел в коляску. Кучер тронул поводья, и

экипаж покати́лся по аллее прочь от дома, который стал ему родным.

Што́льц стоял на крыльце и смотрел всле́д, пока карета не скрылась за поворотом.

Глава 2

Незнакомец в трактире.

Раннее утро было прохладным. Лёгкий туман стелился над землёй, скрывая очертания предметов. Город постепенно растворялся в сероватой дымке, оставляя за спиной лишь редкие огни фонарей да неясные контуры зданий.

Первые дни путешествия выдались молчаливым и напряжённым. Андрей, откинувшись на мягкие подушки, рассеянно смотрел в окно. За стеклом мелькали картины русской природы: густой лес сменялся бескрайними степями, поля — уютными деревушками, над крышами которых вился сизый дымок. Заслышав стук приближающегося экипажа, местные собаки выбегали на дорогу и провожали карету громким лаем.

Вечерами путники останавливались в придорожных трактирах. В это время залы были полны народа, разговоры звучали взволнованно, словно эхо невидимой грозы, готовой разразиться в любой момент.

В один из вечеров путники услышали, как в народе обсуждают новую реформу:

— Говорят, в соседнем уезде мужики барина выгнали, — сказал один крестьянин, сидящий за соседним столом. —

Приказали ему убираться, пока цел.

Другой человек, с длинной бородой и суровым лицом, добавил:

— А у нас в деревне староста сказывал, что землю бесплатно дадут, а выходит, платить надо. Опять обманули!

— Да не обманули, а не так поняли, — вмешался третий, с красным лицом и всклокоченными волосами.

— Царь волю дал, а помещики всё по-своему крутят.

— А кто их разберёт, — отозвался первый. — Нам бы землю, да поскорей. А то как гнули спину задарма, так и гнём.

Эти слова врезались в сознание Андрея, словно острый нож. Заказав чай, молодой человек сел в углу зала, стараясь не привлекать внимания. В горле пересохло, и он пил горячий напиток маленькими глотками, прислушиваясь к разговорам.

Пятый день пути стал настоящим испытанием. Утро началось с мелкого, нудного дождя, который превратил дорогу в скользкую грязь. Колёса коляски с трудом преодолевали вязкие колеи, и Андрей чувствовал, как тряска заставляет его тело напрягаться.

Кучер, сутулясь под капюшоном, вёл лошадей вперёд, время от времени бросая короткие взгляды по сторонам, словно проверяя, не скрывается ли опасность в тенистых лесах. На одной из дорог им встретила группа крестьян, собравшихся у придорожного креста. Люди стояли молча, с мрачными лицами, и Андрей почувствовал, как сердце сжа-

лось от тревоги.

— Не останавливайся, — тихо сказал он кучеру, заметив, как несколько мужчин посмотрели в их сторону.

Тот хлестнул лошадей, и коляска рванула вперёд, оставляя крестьян позади. Андрей слышал, как за спиной раздавались гневные выкрики и чувствовал, как жгут спину полные ненависти взгляды.

Когда солнце уже клонилось к закату, путники достигли небольшого трактира возле дороги. Кучер остановил коляску у крыльца, и молодой барин, едва выбравшись наружу, пошатнулся, с трудом распрямляя затёкшие ноги.

Войдя в трактир, он снял мокрую шляпу и повесил её на гвоздь у входа. Плотный мужчина с красными щеками, поспешил навстречу:

— Ваше высокородие, добро пожаловать! — сказал он, низко кланяясь.

— Вижу, ненастье застало вас в пути. Комнату сейчас подготовят. Прикажете подавать ужин?

— Да, пожалуйста, — ответил Андрей, снимая перчатки и присаживаясь за свободный столик, — и будьте любезны, позаботьтесь о моих лошадях. Накормите их и почистите. А вороную кобылицу оседлайте к утру. Мне предстоит долгий путь.

Хозяин кивнул, вытирая руки о передник:

— Всё будет исполнено, ваше высокородие. Не извольте беспокоиться.

—Один-то как же, барин? — забеспокоился ямщик. —
Неспокойно нынче.

—На карете слишком приметно, Пётр. Я поеду верхом,
как простой путник. Так меньше риска, что меня узнают
раньше времени.

Кучер нахмурился, попытавшись было возразить, но,
взглянув в холодные глаза барина, только тяжело вздохнул.

— Как прикажете, — пробормотал он, и направился к вы-
ходу, чтобы дать распоряжение конюху.

За окном барабанил мартовский дождь, стекая каплями
по мутным стёклам трактира; из конюшни доносилось фыр-
канье лошадей, жадно хватающих овёс. В кабаке стояла ду-
хота, пахло жареным мясом и дешёвым табаком.

За соседним столом шумно спорили какие-то мужики, но,
заметив нового гостя, притихли и стали украдкой бросать на
него любопытные взгляды. Затем один из них, пожилой муж-
чина лет пятидесяти пяти, плотный и кряжистый, нетвердой
походкой направился к столику, за которым сидел Андрей.

Низкий лоб подошедшего почти скрывался под навис-
шими бровями, из-под которых настороженно смотрели ма-
ленькие серые глаза. Редкие седые волосы, зачёсанные назад,
выбились из причёски, придавая облику расхристанный вид.
Он без приглашения опустился на скрипучий табурет, обдав
Андрея тяжёлым, прерывистым дыханием.

— От-куда ж ты т-такой в-выискался, а? — с ехидной ух-
мылкой протянул незнакомец. — В-вид у тебя н-не мест-

ный... или, м-может, из б-барских будешь?

Мужчина громко икнул и, не дожидаясь ответа, продолжил, слегка заикаясь:

— А я вот, з-знаешь, в войсках служил! П-при государе-императоре! В-всякое повидал... И под п-пулями стоял, и в походах ноги стирал.

Незнакомец с досадой стукнул кулаком по столу и замолчал, уставившись мутным взглядом в свою кружку.

— Служба — дело почётное. Не всякому по плечу, — спокойно ответил Андрей.

Пьяный поднял голову, прищурился, словно пытаясь разглядеть в лице собеседника что-то знакомое, и криво усмехнулся:

— А ты с-салага, небось, и п-пороху не нюхал? Он снова икнул и, понизив голос до хриплого шёпота, произнёс:

— А у нас тут, с-слышь, н-неспоконно стало. Власть меняется. Кто был н-ником — тот всем станет. А кто всем был — того и след п-простынет.

— Я просто путник. Еду мимо. Мне до ваших перемен дела нет, — сдержанно ответил Андрей.

Внутри закипала буря, но он, усилием воли заставил свой голос звучать твёрдо и безучастно.

— А барин-то был тут... лентяй, знатный! — с отвращением продолжил незнакомец, подавшись вперёд так резко, что табурет закрипел по полу.

Он тяжело опёрся локтем о стол, едва не опрокинув круж-

ку, и лицо мужика налилось багрянцем. Глаза, мутные и воспалённые, вдруг вспыхнули недобрым, лихорадочным огнём.

— В город уехал, деньги получал исправно, да жил в своё удовольствие! А как до дела — так нет его! Дом и то не своим умом держал! Н-немец тут хороводил, да его управляющий! — с нескрываемой злобой выпалил он. — Да п-прошла их пора... т-тю-тю! Б-бежали с корабля, как крысы, только пятки сверкали!

Внезапно незнакомец осёкся, словно пелена спала с его глаз. И лицо, только что пылавшее гневом, вдруг побледнело и вытянулось. Он воровато оглянулся по сторонам, словно осознав, что находится не один в пустом сарае, а в душном трактире, полном чужих ушей. Мутный взгляд метнулся к лицу Андрея, и в нём мелькнуло что-то похожее на страх — липкий, холодный ужас человека, который понял, что сболтнул лишнего.

Поставив кружку на стол, Андрей Ильич встал. Внутри всё клокотало, сердце билось где-то в горле, но внешне он оставался каменно-спокоен. Лишь пальцы, сжимавшие край столешницы, побелели от напряжения. В толпе раздались смешки. Кто-то позвал пьяного:

— Эй, Затёртый, отстань от мальчика.

— Я не из этих мест. Просто еду мимо, остановился переждать дождь. А про барина и его управляющего мне дела нет — повторил Андрей ровным, почти безжизненным голосом,

глядя прямо в глаза незнакомцу.

Он бросил на стол несколько монет — больше, чем стоил его ужин — и пошёл прочь медленно, с достоинством, не торопясь и не оглядываясь. Добравшись до своей комнаты, Андрей снял сапоги, не раздеваясь, лёг на жёсткую кровать и закинул руки за голову. Он смотрел в тёмный потолок, слушая, как за окном стихает шум деревни.

Вскоре молодой барин, измученный долгим путешествием, забылся тяжёлым, беспокойным сном.

Едва забрезжил рассвет, Андрей вышел из трактира. Свежий воздух после ночного дождя обдал лицо утренней прохладой.

У коновязи его уже ждал кучер Пётр, держа под уздцы оседланную вороную кобылицу.

— Всё готово, барин, — тихо сказал он. — Провизию я собрал, как вы велели. В седельных сумках хлеб, сыр и фляга с водой.

Андрей кивнул, проверил подпругу и вскочил в седло.

— Возвращайся с коляской в город, и передай отцу, что я дам о себе знать сразу, как только доберусь до Верхлёва.

Андрей прищпорил лошадь. Вскоре трактир остался позади, скрывшись за поворотом и стеной деревьев. Он ехал весь день по размытой весенней дороге. За окном мелькали то серые, пропитанные влагой поля с грязно-белыми пятнами тающего снега, то голые, ещё прозрачные перелески. К вечеру путник достиг развилки.

Одна дорога вела прямо — туда, где за холмами лежала Обломовка. Сердце юноши сжалось от странного, почти болезненного зова — так, словно он возвращался домой после долгой разлуки. Но Андрей, усилием воли, заставил себя отвести взгляд. Сейчас он не мог ехать туда—соваться в одиночку в мятежную деревню было бы безумием.

Другая дорога вела в Верхлёво, на родину Штольца. Молодой человек свернул на неё и решительно направил коня вперёд.

Вскоре Андрей выехал на пригорок и увидел усадьбу отца.

Сам хозяин, оставив всё на попечение управляющего Антипа, не посещал свое родовое имение уже много лет. Последний раз Штолец приезжал двадцать лет назад, на похороны отца. С той поры вся его жизнь была отдана неустанной деятельности, службе и бесконечным поездкам за границу. А после женитьбы на Ольге Сергеевне, он и вовсе пустил в Петербурге постоянные корни.

Дом Штольца ещё сохранял горделивую осанку и следы былого, строгого уклада, заведённого старым хозяином-немцем. Но время, не знающее пощады, взяло своё: стены местами облупились, а краска на деревянных элементах потрескалась и пошла пузырями от дождей. Сейчас в доме жил Антип со своей семьёй. Время от времени он наведывался в Обломовку, за которой присматривал по наказу немца. Но дом там пустовал, и отсутствием помещика воспользовались мя-

тежники. Об этом управляющий рассказал Андрею за обедом, после того как встретил барина с дороги:

—Когда священник огласил царский указ, так и началось. Мужики из церкви вышли — лица чёрные, злые. Не воля им, видишь ли, досталась, а обман один. И тут же по дворам шептаться стали, что, дескать, есть другой, настоящий указ, с золотой печатью, да господа его утаили.

А на другой день, ближе к вечеру, приехал ненашенский мужик, невесть откуда. Он "толкователем воли царя" себя звал. Встал на бочку у трактира и начал кричать. Мол, землю царь всю отдал нам, работать больше на барина не следует. И воля — немедля, и никаких повинностей. А потом такое понёс, что у меня волосы дыбом встали.

Говорит: Помещику земли — горы да доли, овраги да дороги и песок да камыш, лесу им ни прута. Переступит он шаг со своей земли — гони добрым словом, не послушается — секи ему голову, получишь от царя награду.

Тут-то мужики и закипели. На третий день я на поле поехал — глядь, а там никого. Ни души! А к вечеру шум у господского дома. Побежал я туда, а они уже в дом полезли. Разграбили всё: хлеб из амбаров вынесли, посуду перебили, добро по домам растащили. Скотный двор разорили в тот же день: скотину увели, а что не увели — порезали на месте.

Андрей слушал, и чувствовал, как у него закипало на душе.

— Я поеду! — вскрикнул он. — Немедля! Я барин, меня

они послушают!

— Стой, стой! Не горячись! Куда ты один против обезумевших мужиков?

Антип схватил его за руку.

— Тут нужно по-умному. Езжай-ка ты лучше в уездный город, к Исправнику.

Андрей вырвал руку и отвернулся к окну. В голове шумело, перед глазами стояло лицо того пьяного мужика в трактире и его злобный шёпот: «Кто был никем — тот всем станет». Он понимал правоту Антипа, но сидеть здесь, в тепле и безопасности, когда его отчий дом, разоряют, было невыносимо.

Решение было принято. На рассвете, едва солнце показалось из-за леса, Андрей уже выехал из Верхлёва. Путь его лежал в уездный город Тихвинск — пыльный, сонный, где в приземистом кирпичном здании уездного управления решались судьбы всей округи. Там, в душном кабинете, пропахшем сургучом и старой бумагой, обитал Порфирий Прохорович Сладков — пожилой, полноватый мужчина с круглым, добродушным лицом и хитрым прищуром маленьких глаз. По центру его головы красовалась гладкая, блестящая лысина, а пухлые, ухоженные руки украшал массивный перстень.

Едва барин представился, как лицо исправника расплылось в добродушной улыбке.

— А-а-а, молодой барин Обломов! — воскликнул Порфирий Прохорович, делая шаг навстречу.

— Как же, знавал я вашего батюшку. Проходите, не стойте в дверях! Никак беда приключилась? Присаживайтесь, голубчик, сейчас всё по порядку разберём. Может, чайку с дороги? Или чего покрепче? У меня и настойка есть... от всех хворей помогает.

— Благодарствую, — чуть помедлив, ответил Андрей, — от чая не откажусь. А вот насчёт настойки... не стоит, пожалуй. Дела у меня серьёзные, голова должна быть ясной.

И Обломов младший поведал то, что услышал от Антипа про мятеж в деревне. Сладков слушал внимательно, то и дело цокая языком и покачивая головой.

— Эх, бестолочь... — вздохнул он, когда гость замолчал. — Не тревожьтесь, голубчик, я всё устрою. Всех бунтовщиков — на каторгу, чтоб другим неповадно было. Совсем страх потеряли!

— Да вы, я вижу, утомились с дороги. Продолжал ворковать исправник. Не соблаговолите ли заглянуть ко мне домой? Софья Павловна, супруга моя, рябчиков к ужину велит подать — пальчики оближете! Под хорошую наливку и разговор легче пойдёт.

— Позвольте отказаться, — промолвил Андрей, слегка поклонившись.

— Ну, воля ваша, — проговорил чиновник, в голосе его послышалась лёгкая досада, тут же прикрытая привычной деловитостью. — Как говорится, насильно мил не будешь. А только, голубчик, вы бы подумали. Дело-то нешуточное, а у

меня и разговор к нему, и помощь найдётся.

Андрей Ильич, не говоря ни слова в ответ, запустил руку за пазуху и, неловко покопавшись, вытащил из-за борта сюртука увесистый мешочек с деньгами. Не глядя на исправника, он протянул его через стол. Сладков, мгновенно переменившись в лице, с ловкостью, неожиданной для его тучной фигуры, принял кошель пухлыми пальцами. Его маленькие глазки на мгновение сверкнули, а на губах заиграла понимающая улыбка. Порфирий Прохорович тотчас убрал деньги в ящик стола, и деловитый тон его стал ещё более уверенным и участливым.

— Вот и славно, — проговорил исправник, потирая руки. — А то ведь иные господа только и умеют, что жаловаться да требовать, а до дела у них руки не доходят. А у меня хоть раз кто-нибудь спросил, как здоровьице? Или как поживает Софья Павловна? Все только своё талдычат: «Подпишите!», «Рассмотрите! Но вы, я вижу, человек понимающий.

Сейчас же прикажу секретарю составить бумагу и отправлю за приставом. Он человек опытный, суровый, быстро всех бунтовщиков переловит.

Порфирий Прохорович потянулся рукой к маленькому серебряному колокольчику, что стоял на краю стола. На зов тотчас явился секретарь и застыл в дверях, ожидая распоряжений.

— А ну-ка, голубчик, — обратился к нему Сладков, — разыщи-ка мне станового. Да поживее.

Вскоре в коридоре послышались тяжёлые шаги, и на пороге, появился сам Кузьма Кузьмич Дозорцев.

Облик вошедшего человека говорил о любви его обладателя к порядку: от аккуратно застёгнутого на все пуговицы мундира до методичной, неторопливой походки. Лицо пристава, с густыми, тщательно подстриженными усами и внимательными глазами, напоминало маску, высеченную из твёрдого камня.

— Вот, Кузьма Кузьмич, — сказал исправник, — поручаю вам важное дело. Сопроводите господина в его имение и составьте должный рапорт о тамошних беспорядках.

Глава 3

Затёртый.

О Затёртом читатель, вероятно, ещё не позабыл: это был тот самый Исай Фомич, которого Мухояров, братец Агафьи Пшеницыной, порекомендовал Обломову в качестве управляющего, уверяя, будто человек этот необыкновенно сведущ в хозяйственных делах и пострадал, единственное, от природного недостатка речи.

Поселившись в Обломовке, он сначала действовал осторожно: присылал деньги за хлеб, писал длинные донесения о расстроеном хозяйстве, жаловался на мужиков, недоимки и дурные урожаи. Обломов, как помнит читатель, был доволен уже тем, что сам избавлен от поездки в деревню и тяжёлых хозяйственных забот.

Между тем оброки собирались не вполне, доходы исчезали, а деньги, проходя через руки Исая Фомича, оседали неизвестно где. Только позднее Штольц обнаружил, что управляющий давно уже «запускает лапу в помещичьи деньги». После короткого разбирательства Затёртого выгнали из Обломовки, и он исчез так же тихо, как когда-то появился, оставив после себя беспорядок в делах и недостачу в хозяйстве.

До того, как стать заправским плутом и пройдохой, Исай Фомич, довольствовался скромной должностью в полковой канцелярии. Начинал обычным писарем, затем к обязанностям присоединились ведение жалованной книги, расходных бумаг, а там уж и провиантные списки стали проходить через руки столоначальника. Затёртый с присущей ему пронизательностью изучал устройство канцелярского ведомства полка. Здесь, как во всяком казённом месте, царила атмосфера мнимого порядка, за которой скрывались изощрённые махинации с отчётностью—подрядчики привозили муку, но её всегда оказывалось меньше, чем значилось в документах, — недостачу без лишних вопросов списывали как «порчу» или «расход». Сапоги, предназначенные для солдат, тоже не доходили до них в полном объёме и так же спокойно исчезали и со страниц учётных книг. Механику работы полковой канцелярии Затёртый понял не вдруг, а постепенно, с тем прилежным усердием, с каким дитя осваивает родную речь: он вникал в суть каждой бумаги с расходившимися цифрами, постигая не явный, а скрытый язык делопроизводства.

Начальство менялось, казначеи переводились, один лишь Затёртый оставался бессменным стражем полковой казны. Его память хранила имена всех подрядчиков и детали старых сделок не ради служебного долга, а чтобы знать, с кого и сколько можно запросить сверх положенного.

Погубила его не большая кража, а мелочь — в полку сменился командир, человек новый, строгий и, что хуже всего,

не ленивый. Начались проверки и в старых расходах нашли путаницу: лишние подписи, повторённые цифры, закупки, которых никто не мог припомнить. Затёртый сначала держался спокойно, даже пытался объяснять, но чем больше волновался, тем сильнее заикался, так что из его оправданий нельзя было понять почти ничего. Скандала, однако, делать не стали— слишком многие были замешаны в прежних делах. Ему просто намекнули, что лучше уйти без шума.

Сам Исай Фомич рассказывал, будто его удалили, единственно, из-за заикания, мешавшего ему исполнять обязанности.

После службы Затёртый долго шатался без места, жил где придется, перебивался перепиской бумаг и мелкими поручениями. Тогда-то и свёл его Мухояров с помещиком Обломовым. Здесь проныра быстро смекнул, что сонный барин куда удобнее полкового начальства: бумаги и деньги те же, а спроса никакого.

После вмешательства Штольца и изгнания из Обломовки, Исай Фомич не пал духом, а лишь укрепился в своём убеждении, что мир устроен на обмане, и лишь тот, кто хитрее, имеет право на лучшую долю.

Побродив без места, он осел в уездном городе Тихвинске, где снова поступил на службу в канцелярию, но уже не полкового, а гражданского ведомства. Должность была ничтожной, жалованье — грошовым, но Затёртый видел не стены присутственного места, а вереницу просителей, входящих в

тяжёлые двери.

Его природная пронырливость и знание «скрытого языка делопроизводства» расцвели здесь пышным цветом. За мзду малую он мог «потерять» дело в архиве, за мзду побольше — «найти» его с нужным решением. Вот в кабинет к Затёртому, шурша шёлком и распространяя аромат одеколona, входит помещик Левашов, человек дородный и раздражённый. Он швыряет на стол Исай Фомича прошение.

— Ну, что там у вас? — цедит Затёртый, не поднимая глаз от бумаг. Он нарочито медленно берёт перо, макает его в чернильницу.

— Вот, изволь видеть. Дело о беглом. Кузьма, кузнец из моей деревни. В прошлом месяце сбежал в Москву. А вчера его видели на ярмарке в уезде. Надо бы бумагу составить в полицию для задержания.

Затёртый медленно поднимает на него холодные глаза.

— Помню такого. Сильный мужик. Двести рублей серебром в рекруты за него давали, не взяли. А теперь — нате вам, беглый.

— Так составишь бумагу? — Левашов начинает терять терпение. — Чего тянешь? Дело плёвое.

Затёртый вздыхает, как человек, на плечи которого легла вся тяжесть мира.

— Бумагу-то составить можно... Но вот какая загвоздка, ваше благородие. В деле его, что из вотчины прислали, неувязочка вышла. В описи имущества, что после него оста-

лось, значитя телега с железным ободом. А по ревизской сказке у него ни лошади, ни телеги не числилось.

— И что с того? — фыркает помещик. — Украл, небось! Или купил на мои же деньги!

— Может, и так, — соглашается Затёртый. — Да только по закону, коли имущество за крестьянином не записано, так оно и не его. А коли не его, так и в опись беглого его включать нельзя. А без полной описи имущества прошение о сыске... как бы это сказать... не имеет должной юридической силы. Начальник полиции вернёт с пометкой «недостаточно оснований».

— Ах ты, крючкотворная душа! — Левашов с грохотом опускает кулак на край стола. Чернильница на столе Затёртого испуганно звякает, выплёскивая на сукно жирную кляксу. — Ты мне тут казуистику свою не разводи! По закону, видишь ли... А по совести? Мужик сбежал, а я из-за твоей писанины убытки несу! Кто мне за него подушные платить будет? Кто барщину отрабатывать станет, пока я нового кузнеца не найду?

Затёртый брезгливо смотрит на расплзающееся по зелёному сукну пятно, затем медленно промокает его специальной тряпицей.

— Совесть, ваше благородие, категория философская, а я человек служивый. У нас есть циркуляры, предписания и уложение о наказаниях. Начальник полиции — человек новый, строгий: ему не про совесть слушать, ему про букву за-

кона подавай. Вернёт он ваше прошение. И будет прав.

Помещик с грохотом отодвигает стул и нависает над столом, опираясь на кулаки.

— Ты мне тут зубы не заговаривай! Я тебя знаю, Фомич. Ты просто время тянешь. Или тебе... поспособствовать надо?

Он выразительно смотрит на стол, а затем кладёт на него звякнувший мешочек.

Затёртый даже не смотрит на деньги. Он лишь слегка морщится, будто от неприятного запаха.

— Побойтесь бога, Левашов. Я человек маленький, но честный. Я же не о себе пекусь. Если я подпишу бумагу с ошибкой, а её завернут — это одно. А если я её подпишу без описи, а потом выяснится, что телега та — не его? Это уже подлог. За такое не просто со службы погонят, а... — он проводит ребром ладони по горлу. — Нет уж. Хотите вернуть свою собственность — делайте по закону.

Левашов выпрямляется, тяжело дыша. Он хватает мешочек и швыряет обратно в карман.

— Чёрт с тобой! Что ты предлагаешь? Затёртый впервые за весь разговор позволяет себе лёгкую, едва заметную улыбку.

— Вернитесь в вотчину. Проведите новую ревизию задним числом или составьте акт о том, что телега была выдана ему из господского инвентаря для работы. Тогда она станет его имуществом по праву пользования. Принесёте мне исправную опись — я составлю бумагу за пять минут. И ни

один полицейский чин в уезде не посмеет её оспорить.

Левашов смотрит на него с ненавистью и уважением одновременно. Он понимает, что его только что обыграли, но дали и путь к победе.

— Ладно... крючоктвор, — цедит он сквозь зубы. — Будь по-твоему.

Как только дверь за помещиком захлопнулась, в кабинете повисла кратковременная тишина. Затёртый не спешил возвращаться к своим бумагам, а замер на мгновение, уставившись невидящим взглядом в пространство перед собой. Его лицо оставалось бесстрастным, но в голове шла быстрая работа.

Затёртый только что совершил идеальный манёвр—отказавшись от прямой взятки, он сохранил и шкуру, и репутацию перед лицом обвинения. Но главное — чиновник увидел второй, скрытый слой этой сделки.

Левашов — человек влиятельный и мстительный. Он не простит унижения столбового дворянина перед простым писарем и будет искать способ уязвить его. Но теперь помещик оказался в "юридическо западне", ловко обставленной Затёртым, и любая попытка отомстить обернётся против него самого.

Чиновник взял перо и макнул в чернильницу. На его губах играла едва заметная улыбка—Исай Фомич думал о том, что помещик вернётся через неделю с правильной описью. И вот тогда... можно будет сделать всё с поразительной, почти вол-

шебной скоростью. Не просто оформить бумагу, а провести её по всем кабинетам за один день, минуя обычную очередь. Левашов, измотанный неделями ожидания и неизвестности, сам будет готов заплатить за окончание своих мучений.

Затёртый взял следующее прошение из стопки — от вдовы титулярного советника о выдаче пособия — и принялся методично выискивать в нём поводы для отказа. Так он и действовал: одним обещал «законную» волокиту и головную боль с начальством, а других запугивал этим самым начальством до полусмерти, превращая их жизнь в ад и набивая свой карманы.

Но если бы кто заглянул в душу Исая Фомича, он увидел бы там не покой удовлетворённого тщеславия, а тлеющий уголёк ненависти. Мечь немцу стала для него навязчивой идеей — он клялся себе, что когда-нибудь судьба сведёт их снова, — уже тогда Затёртый сможет отыгаться. Это тайное брожение беспокойных мыслей, разлилось в самом воздухе его существования, придавая Исая Фомичу некий мрачный ореол и притягивающий подобных ему людей — таких же недовольных, пронырливых, ищущих своего часа.

Мало-помалу, с той вкрадчивой настойчивостью, которая свойственна людям его склада, он обрстал полезными связями и знакомствами.

В числе наиболее важных из них был Архип Лукич, квартальный надзиратель. В силу своей должности он был вхож во все полицейские дела уезда, знал слабые места каждого

служивого и мог в нужный момент «направить» поиски в другую сторону.

Знакомство Затёртого с Архипом Лукичом, как это часто и бывает в уездной глуши, произошло совершенно случайно, но при обстоятельствах, красноречиво свидетельствовавших о нравах местной жизни.

Местом этой судьбоносной встречи стала базарная площадь в пятничный торговый день, когда вся округа стекалась в город, чтобы запастись необходимой провизией на неделю и продать плоды своих трудов. Вozы с зерном и сеном, телеги, гружённые битой птицей и горшками с топлёным маслом, плотно стояли вдоль рядов, а между ними сновали разносчики с кренделями, бабы с лукошками ягод и степенные купцы, зорко следившие за приказчиками. И именно здесь, в шуме и давке, вершились настоящие, а не бумажные дела.

Исай Фомич неспешно прогуливался по хлебном ряду, где стоял густой, сытный дух горячей выпечки: терпкий запах ржаной корки смешивался со сливочным ароматом пшеничного мякиша и ванильной сладостью калачей.

Затёртый не столько выбирал товар, сколько ловил обрывки чужих разговоров: кто из купцов вчера прибыл с большим караваном, о чём шептались приказчики в трактире и не слышно ли в толпе пересудов об ожидаемом приезде столичного ревизора, чьё имя заставляло местных чиновников бледнеть, а самого Затёртого— действовать с удвоенной осторожностью. Он собирал слухи, как скупой собирает мо-

неты, зная, что вовремя полученная сплетня может стоить дороже золота.

Внезапно его внимание привлёк женский визг, доносившийся из соседнего, более оживлённого прохода. Десятилетний оборванец, юркий как хорёк, схватив с прилавка крендель, со всех ног пустился наутёк.

Купчиха, хозяйка хлебной лавки, уперев руки в бока, подняла оглушительный крик:

— Держи вора! Лови ирода!

На её вопли из толпы выскочил молодой городской. Он с показным рвением бросился за мальчишкой, ловко подсёк ему ногу, и тот, не успев прожевать украденное, кубарем покатился в пыль, крепко сжимая добычу. Когда городской уже занёс руку, чтобы схватить воришку за шиворот, в этот самый миг из плотной толпы зевак неспешно выступила монументальная фигура Архипа Лукича. Встав рядом со стражем порядка, он молча перевёл тяжёлый взгляд с мальчишки на купчиху. Та сразу перестала визжать и отступила в тень своего прилавка.

— Ваше... это... — пробормотал городской, обращаясь к Архипу Лукичу и вытягиваясь в струнку. Он медленно опустил руку и сделал шаг назад. — Воришку поймал вот...

Архип Лукич, не удостоив его даже взглядом, лишь едва заметно кивнул в сторону мальчишки и, не поворачивая головы, глухо обронил:

— Отпусти.

Городовой, словно марионетка, дёрнулся, брезгливо толкнул мальчика ногой в пыль, отчего тот, не веря своему счастью, тут же вскочил и юркнул в толпу.

За этой сценой молча наблюдал Затёртый- его привлек, однако, отнюдь не благородный поступок квартального надзирателя. В его холодном и расчётливом уме этот эпизод сложился в простую и ясную формулу: человек, способный повелевать самим законом, есть фигура, чья польза может оказаться поистине неоценимой.

Чиновник поспешил к бочке с квасом, возле которой остановился Архип Лукич. Надзиратель, оторвавшись от кружки с холодным хлебным напитком, медленно перевёл на подошедшего свой тяжёлый, осоловелый от жары взгляд. Затёртый щёлкнул крышкой массивного серебряного портсигара и протянул надзирателю, приглашая угоститься табаком.

—Моё почтение, Архип Лукич, — позвольте представиться. Затёртый, Исай Фомич.

—А у вас, я погляжу, на базаре своя... юрисдикция—произнёс он, протягивая руку.

Архип Лукич едва заметно кивнул, принимая приветствие.

— Порядки — они как погода, — усмехнувшись, ответил он. — Кому-то дождь нужен для урожая, а кому-то — лишь помеха.

Неторопливо затянувшись сигарой, квартальный надзиратель выпустил изо рта густое, сизое облако дыма и словно

поясняя свою мысль на недавнем примере, глухо добавил:

— Шустрый малец..... Егорка. Не впервой мне попадается. В нем однако ж не воровство, а безнадзорность одна. Мать мальчика Авдотья—вдова, с утра до ночи над лоханью гнётся, распаривая руки до красноты и цыпок, чтобы добыть кусок хлеба для своего сиротства. А тот целый день голодный по улицам шляется, предоставленный сам себе. Вот и растёт как сорная трава — криво да живуче. Не со зла он калач-то тот схватил, а с голодухи.

Архип Лукич сделал последнюю глубокую затяжку, и кончик сигары вспыхнул ярко-красным огоньком, на мгновение осветив его грубое, изрезанное морщинами лицо.

—К ней я сейчас же и наведуясь. Предупрежу по всей строгости, чтоб за мальчишкой смотрела как следует, не то в следующий раз уже по-другому поговорим.

Затёртый выдержал паузу, давая понять, что принял информацию к сведению:

—Правильно говорите, Архип Лукич, — заметил чиновник. — Сразу видно человека умного, с большим жизненным опытом.

Квартальный надзиратель перевёл зоркий взгляд с базарной площади на Затёртого. В его маленьких глазках мелькнуло что-то похожее на одобрительный смешок.

—Дело-то оно общее выходит, Архип Лукич, — заметил Затёртый, понизив голос. — Позвольте мне составить вам компанию.

И тут же, не дожидаясь ответа, Исай Фомич быстро обвёл взглядом рыночную площадь и выцепив глазами свободный экипаж у коновязи громко гаркнул:

— Эй! Извозчик, дремавший на козлах, встрепенулся, лихо сдвинул на затылок картуз и щёлкнул вожжами.

Архип Лукич, грузно опустившись на сиденье, недовольно посмотрел на непрошенного спутника.

Кибитка тронулась, увозя их от шума и духоты торговых рядов. Вскоре она свернула на менее оживлённую улицу, ведущую к окраине. Архип Лукич пошевелил плечами, словно сбрасывая с себя тяжесть базарной духоты. Воздух здесь был другим — подвижным и живым. Он ласкал разгорячённое лицо, врываясь в кибитку вместе с клубами дорожной пыли и горьковатым ароматом полыни.

Через полчаса езды, извозчик остановился у покосившейся калитки последнего в ряду ветхого домишки. Надзиратель первым выбрался наружу, поправил ремень под круглым животом и решительно двинулся вперёд по узкой тропинке из битого кирпича, петлявшей между зарослями крапивы и чахлыми кустами лебеды. Затёртый засеменил сзади, стараясь не отстать от спутника.

Отворив калитку, болтавшуюся на одной петле, они оказались в тесном дворе, на котором едва помещался накренившийся набок сарай и небольшого домика с облупившейся синей краской.

Архип Лукич уверенно поднялся на крыльцо и с размаху

ударил кулаком в дверь. В доме что-то упало. Послышались быстрые, лёгкие шаги, и дверь распахнулась. На пороге стояла Авдотья. Увидев надзирателя, женщина побледнела.

Когда Егорке было три года, ее муж сторел от чахотки. Оставшись одна, вдова не пошла по миру лишь благодаря каторжному труду. Её день начинался засветло и заканчивался за полночь — женщина стала прачкой для купчих с соседней улицы. Весь день Авдотья проводила над лоханью с едким щёлоком, а когда стирка кончалась, садилась за шитьё при свете одинокой сальной свечи — латала чужое бельё или шила сорочки для приказчиков.

Именно эта изнуряющая нужда и заставила её сдать угол студенту-филологу Гришке. Это был один из тех молчаливых юношей, в чьём взгляде отражалась непрерывная работа мысли, словно сама жизнь была для него неразрешимой загадкой. Гришка мог часами рассуждать о разнице между «бытие» и «житие», цитировать наизусть Державина и с жаром доказывать, что самый точный перевод Горация сделал не Фет, а Мерзляков. Он носил потёртый сюртук с оторванной пуговицей и питался, казалось, исключительно чернилами да чёрствым хлебом.

— Здравия желаю, Авдотья Петровна, — прогудел Архип Лукич. — Разговор к тебе есть. Сурьёзный.

Авдотья молча отступила в сторону, пропуская гостей. Надзиратель грузно протиснулся в сени, Затёртый проскользнул следом. Гришка, сидевший за своим столом у ок-

на, при виде формы и незнакомого господина в дорогом сюртуке отложил книгу и встал.

Лукич прошёлся по комнате и остановился, глядя в упор на Егорку, который прятался за материнскую юбку.

— Я с базара только что, — начал он без предисловий. — Твой неслух там был — калач у торговки стащил.

Авдотья ахнула и прижала ладонь к губам. Егорка со страхом вцепился в материнский подол.

Надзиратель крикнул и вдруг сменил тон с казённого на глухой, почти отеческий.

— Но я вмешался. Велел отпустить.

В комнате повисла тишина.

Авдотья смотрела на него широко раскрытыми глазами, не в силах вымолвить ни слова от облегчения и страха.

— Но это в последний раз, — голос надзирателя снова стал жёстким. Он навис над мальчиком. — Ещё раз увижу тебя у лавок или на пристани — заберу в приют для малолетних преступников. Ты меня понял?

Егорка судорожно кивнул.

— Вот и славно. А ты... — Архип Лукич повернулся к Авдотье и ткнул в неё толстым пальцем,

— Смотри за ним! А то ведь пропадёт ни за грош. Я таких, как он, сотни повидал.

Авдотья стояла ни жива ни мертва, только кивала.

Удовлетворённый надзиратель развернулся и пошёл к выходу. Он уже взялся за ручку двери, когда его остановил

вкрадчивый голос Затёртого.

— Одну минуту, уважаемый Архип Лукич... Чиновник мягко отстранил надзирателя и вышел на середину комнаты.

— Сударыня, — он слегка поклонился Авдотье. — Позвольте представиться: Затёртый, Исай Фомич. Чиновник для особых поручений при городской управе.

Он сделал паузу и многозначительно посмотрел на Архипа Лукича.

— Я вижу перед собой женщину трудной судьбы. Вдову обременённую ребёнком и необходимостью сдавать угол незнакомцу ради куска хлеба. Это достойно всяческого сочувствия. Он сделал паузу и приложил руку к груди, — лично я не могу оставаться равнодушным.

Исай Фомич сделал шаг вперёд, и тень от его фигуры поглотила скудный свет единственного окна.

— Я похлопочу перед попечительским советом о назначении вам вспомоществования. Небольшая сумма поможет вам не надрывать здоровье. И главное — мальчик... Такому способному, но заблудшему ребёнку нужен не приют для преступников, а твёрдая рука и добрый совет.

Затёртый посмотрел на Егорку взглядом, выражающим почти искреннее сочувствие.

— Я помогу пристроить мальчика в ремесленную школу при управе. Там койка, похлёбка и учение. Время от времени буду навещать и справляться о его успехах.

Авдотья судорожно прижала к себе Егорку — ее обожгла

мысль о долгой разлуке с сыном. Но эта боль, едва родившись, тут же уступила место другой, более прагматичной: сын не будет голодать и получит шанс, которого никогда не было бы здесь, в этой сырой лачуге. Женщина рухнула на колени перед Затёртым и осыпала поцелуями его руку.

— Я не знаю, чем заслужила такую милость—шептала она сквозь рыдания. Век за вас Бога молить буду!

Чиновник брезгливо поморщился и быстрым, почти неуловимым движением спрятал руку за спину, словно боясь запачкаться. Он уже направился к выходу, но остановился, услышав голос Гришки.

— ...Ибо что есть благотворительность, если не попытка искупить равнодушие мира? — студент поднял голову от пожелтевшей страницы.

— Вы уж там присмотрите за ним, в управе-то, — повторил Гришка. — А я со своей стороны тоже пригляжу—Авдотье так спокойнее будет.

Он потянулся через стол и ласково потрепал Егорку по вихрастой голове.

— Благородно...—Затертый смерил юношу оценивающим взглядом,—хотя ваша забота выглядит странно для человека, который сам нуждается. Нельзя питаться одной лишь мудростью веков.

Гришка смущённо улыбнулся и развёл перепачканными руками.— Так ведь... еда денег стоит. А у меня только мысли бесплатные...

— Так быть не должно, — отрезал Затёртый. Он достал из кармана визитную карточку и небрежно бросил её на стол рядом с чернильницей.

— Раз уж судьба свела нас здесь, негоже бросать собрата по перу. Загляните ко мне в управу на следующей неделе. Найду для вас небольшую подработку. Переписать пару скучных протоколов, разобрать архив...

Исай Фомич развернулся и пошёл к выходу, но у самой двери снова обернулся, словно что-то вспомнив.

— Да, и вот ещё что... Не пишите больше на полях. Бумагу я вам обеспечу. Нехорошо портить библиотечные экземпляры.

Исай Фомич Затёртый и Архип Лукич наконец вышли из дома вдовы и направились в сторону ожидающего их экипажа. Вдруг надзиратель, дойдя до калитки, остановился так резко, что Исай Фомич едва не уткнулся носом в его широкую спину.

— Слышь-ка, Затёртый... — начал он глухим басом, почёсывая затылок под фуражкой.

— А ты чего это такой добрый-то сегодня? Прямо светишься весь, как самовар у купца первой гильдии.

Надзиратель обвёл рукой пространство вокруг себя.

— Ты ж, я знаю, за копейку удавишься. А тут... сиротке ремесленную школу! Вдове вспомоществование! Это ж какие деньжищи из казны придётся выпросить! Тебя жаба задавит за такие траты.

— Помилуйте, Архип Лукич! — пропел Затёртый елеиным голоском.

— Какая же это афера? Это государственный расчёт! Вы только представьте: мы берём этого сорванца, Егорку, отмываем его, учим ремеслу. Через пять лет у нас не уличный воришка, а полезный член общества! А какой-нибудь купец третьей гильдии с радостью возьмёт на работу парня с «рекомендацией от городской управы» и, заметьте, с благодарностью в сердце.

— Хм... — наконец промычал кварталный, почёсывая затылок.

— А ты, я погляжу, не так прост, Исай Фомич. Это ж надо так завернуть...

Подойдя к кибитке, Архип Лукич, первым полез внутрь. Затёртый тут же вскарабкался следом и примостился на сиденье рядом.

— Ну, чего встал? — гаркнул надзиратель на дремлющего извозчика. — Поехали! У меня от этих разговоров в горле пересохло. В трактир пора. Обмывать нашу... благотворительность.

Кибитка дёрнулась и, покачиваясь, покатила по мостовой, увозя их прочь от дома вдовы.

В последствии союз Затертого и Архипа Лукича доказал свою выгоду, превратив служебный долг в источник личного благосостояния с безупречной, почти театральной чистотой. Объектом приложения совместных усилий стал тот са-

мый живой, вечно копошащийся муравейник, что располагался вдоль торговых рядов — мир уличных лотошников, разносчиков и владельцев крошечных, на два прилавка, лавчонок, ютившихся в полутёмных подвалах. Это был особый класс людей, существовавший на зыбкой грани дозволенного законом. У одного не хватало гильдейского свидетельства, у другого — разрешения на выносную торговлю, третий торговал товаром сомнительного происхождения или веса. Вся жизнь этих мелких хищников была одним сплошным нарушением, которое они тщетно пытались скрыть под личиной благонамеренных обывателей. Именно эту вечную тревогу, это трепыхание перед лицом государственной машины и решили поставить себе на службу Архип Лукич и Затёртый.

Надзиратель действовал грубой силой закона, являясь живым воплощением неотвратимого рока. Он надвигался на свою жертву медленно, молча, выпуская клубы дыма из трубки, и зорким взглядом мгновенно выхватывал из толпы нужную фигуру. Не повышая голоса, он объявлял о «ревизии» или «проверке». Слова «протокол», «конфискация» и «арестантские роты» падали тяжело, как камни, заставляя мелкого торговца бледнеть и судорожно соображать, чем он провинился на этот раз. Угроза потерять свой скарб — ветхий лоток, весы с медными чашками да пару тюков товара — повергала несчастного в состояние полного оцепенения. И вот тут, когда жертва уже была парализована ужасом, на сцене начинался второй акт пьесы. Из-за плеча грозного над-

зрителя возникал Затёртый. Его голос звучал мягко, почти сочувственно. Он брал перепуганного лавочника за пуговицу и говорил что-нибудь вроде: «Дело то житейское. Закон суров, но справедлив. Однако ж можно решить всё по-свойски, без шума и пыли. Вы человек торговый, должны понимать: всякое действие требует... содействия. Чтобы глаза не видели того, чего нет, вы уж похлопочите, отблагодарите за труды праведные, да за потерянное время.

Обрадованный купец, считавший себя уже разорённым, с радостью платил эту «умеренную плату», которая для него была сущим пустяком по сравнению с официальным штрафом.

Доход делился поровну—это могли быть живые деньги или просто фунт первосортного чухонского масла, свежая дичь, отрез добротного сукна на сюртук или просто обещание, что в следующий раз им отпустят товар самого лучшего качества и непременно в долг.

Махинации с базарными торговцами были лишь лёгкой забавой, способом скоротать досуг и пополнить карман мелкой монетой. Это была лишь надводная часть того айсберга, на котором покоилось истинное благополучие Затёртого.

Настоящие же прибыли приносила другая, куда более изящная схема — снабжение провизией казённых учреждений. Мука, солонина и масло для уездной больницы всегда проходили через руки «своих» подрядчиков—закупали товар по заниженным ценам, а выставляли счета по завы-

шенным, списывая разницу на мнимый «бой», «утряску» и «усушку».

Это была целая система кормления, негласно признанная всеми сторонами. Но недавно в налаженном течении дел произошёл досадный разлад: новый староста из Обломовки принялся отправлять поставки для больницы напрямую, минуя подрядчиков Затёртого. Попытки вернуть строптивца к правильному пониманию дел через намёки и анонимные письма ни к чему не привели, а потому стало ясно, что здесь требуется иной подход — тот самый, которым в совершенстве владел беглый каторжник Фролка Кривой. В острог он попал именно за это: умение решать проблему раз и навсегда, как однажды решил её с собственным братом, чей храп мешал ему спать.

После смерти отца Фролки изба и надел и по праву старшинства отошли старшему сыну. Вскоре тот женился, и вопрос о разделе хозяйства отпал сам собой. Младшему же не досталось ничего, кроме права жить под чужой крышей.

В избе стало тесно от чужого дыхания, детских голосов и новой хозяйки, которая видела в нем лишнего едока.

Однажды Фролка приплёлся домой после тяжёлого дня в поле. Единственное, чего он хотел — завалиться на лавку и уснуть. Но брат уже спал и громко храпел. Не просто посапывал, а выводил носом такие рулады, что у Фролки сводило скулы от ярости. Этот звук казался ему самым громким и раздражающим звуком в мире. Фролка несколько раз пнул

лавку ногой, шикал, даже кинул в брата валенком. Тот лишь перевернулся на другой бок и захрапел ещё залиvistее.

Тогда Фролка молча встал, взял со стола тяжёлый чугунок, в котором днём варили кашу, и со всей силы опустил на голову спящего брата. Раздался короткий, глухой удар, похожий на треск лопнувшего полена, и храп прекратился. Жена брата проснулась, закричала, но было уже поздно. На вопрос судьи о причине столь тяжкого злодеяния Фролка, глядя перед собой мутными глазами ответил: «Спать мешал, сволочь. Я просил по-хорошему».

Затёртый, оценив всю пользу союза со столь беспринципным и жестоким человеком, впоследствии состряпал для Кривого поддельный паспорт, узаконив его существование в уезде и превратив беглеца в орудие мести. Так при помощи Фролки чиновник намеревался решить проблему с несговорчивым старостой и направился в сторону болота, где обитал каторжник.

Он остановился у покосившейся избы, с плотно заколоченными окнами. Эта хибара была одним из тех беспризорных строений, что остаются после вымерших промыслов. Лет пятнадцать назад здесь стояла артель углежогов; когда промысел захирел, они ушли, бросив своё жильё на произвол судьбы. Изба медленно оседала в болотистую почву, подгнивая снизу, крыша проросла мхом, а окна, лишённые стёкол, зияли пустыми глазницами. Оставив позади посты, штыки конвоя и кандальный звон, Фролка случайно на-

ткнулся на это богом забытое место, где наконец-то смог перевести дух. Внутри пахло сырой землёй и гнилым деревом, но главное достоинство этой развалюхи заключалось в идеальной маскировке- просёлочная дорога просматривалась отсюда как на ладони, а сама изба была укрыта так, что обнаружить её мог лишь тот, кто знал о ней наверняка или случайно наткнулся бы на крыльцо. Фролка мог пересчитать людей в обозе, разглядеть лица всадников и даже определить, гружёные ли телеги едут по дороге, оставаясь для них невидимой тенью. Это давало драгоценное время, чтобы подготовиться к встрече — будь то бегство или нападение. Беглец заткнул оконные проёмы старой соломой и досками, которые подобрал рядом, соорудил из веток лежанку у печи и поселился там.

В день знакомства с Фролкой Затёртый бродил по лесу — инспектировал казённые земли по поручению своего начальника. Он уже собирался повернуть назад, когда сквозь заросли можжевельника заметил сизый дымок, поднимающийся над крышей покосившейся избы. Затёртый решил выяснить, кто может жить в этой глуши; у него было два предположения: либо беглый колодник, прячущийся от властей, либо браконьер, устроивший в лесу тайное пристанище для своих ночных промыслов. Ни одна из его догадок не сулила приятную встречу, поэтому он осторожно, стараясь не шуметь сухими ветками, пробирался сквозь плотные заросли. Затёртому и в голову не приходило, что его присутствие дав-

но было обнаружено.

Фролка заметил непрошенного гостя ещё на просёлке и теперь молча ждал за дверью, сжимая в огромной ручище отточенный топор. Внезапно чиновник услышал едва уловимый шорох по ту сторону двери и замер, инстинктивно вскинув трость. В следующий миг дверь со зловещим скрипом приоткрылась, и в темноте сеней блеснула полоска отточенной стали. На Затёртого уставилась пара налитых кровью, безумных глаз, а изуродованное шрамом лицо скривилось в зверином оскале.

Исай Фомич понял: одно неверное движение — и этот каторжник расколется ему череп, как гнилое полено. Но он также понял и другое: перед ним стоял не безумец, а беглец, для которого лишний шум и убийство означали верную поимку. Он дорожит своим уединением. А всё, чем дорожат, может стать предметом торга.

— Я знаю, кто ты, — спокойно произнёс Затёртый, не опуская трости. Он сделал паузу, давая словам осесть в гнетущей тишине.

— Если ты меня тронешь... завтра здесь будет рота солдат. ...А если будешь умным, — сказал Затёртый, — я обеспечу тебя документами и найду применение твоим талантам. Есть люди, которым нужны надёжные исполнители для дел... деликатного свойства. Это хороший заработок, и никто никогда не спросит, кем ты был раньше.

Это был блеф чистой воды. И тем не менее, расчёт подска-

зывал Фролке: живой чиновник может быть полезнее мёртвого. Десять лет бегов, ночевок в стылой земле, вечного взгляда через плечо... Мысль о том, что можно обрести имя и право на существование, стерев клеймо каторжника, заставила его опустить занесённый топор.

Исай Фомич ощутил, как липкий страх уступает место холодному удовлетворению: он только что нашёл для своей машины недостающий, но самый важный винтик.

Память об этой встрече, когда его жизнь висела на тончайшем волоске, заставила невольно похолодеть всё тело, когда чиновник снова оказался на знакомом пороге. Затёртый трижды ударил тростью о подгнившее крыльцо— два коротких удара и один длинный.

Дверь приоткрылась с протяжным скрипом, приглашая гостя войти. Фомич вошёл внутрь, привычно поморщившись от запаха сырости и гнили.

— Говори, — прохрипел Фролка Кривой вместо приветствия.

— Есть работа в Обломовке, — тихо сказал чиновник, присаживаясь на колченогий табурет. — Новый староста там объявился. Решил поставки мимо нас пускать. Надо бы ему память освежить. Напомнить, кто в уезде порядок держит.

Фролка молча подбросил полено в железную печурку. Пламя выхватило из мрака его лицо, сделав шрам на щеке ещё более жутким.

— Припугнуть? Или опять пожар?— Для начала просто

«припугнуть», чтоб дошло, чьё сало чёрное едят.

Затёртый сделал паузу, словно взвешивая слова.

— Сделай так, чтобы он почувствовал наше присутствие.

Ночью у крыльца оставь ему весточку. Что-нибудь... запоминающееся. Но без огня и крови. Пока что.

В глазах Фролки блеснул огонёк согласия.—Я могу посадить ему на забор дохлого грача со свёрнутой шеей. Чтоб проснулся, глянул в окно — а эта тварь смотрит прямо на него. Фролка оскалился в злобной ухмылке, которая тут же сменилась приступом глухого кашля.

Затёртый удовлетворённо кивнул.

— Вот-вот. Именно такая память ему и нужна. А если не поймёт... тогда уже поговорим по-другому.

Чиновник поднялся, оставив на перевёрнутом ящике небольшой мешочек и вышел обратно в ночь. Дело было сделано. Бумаги остались лежать в кабинете, чернила на них высохли, но реальная работа только начиналась. Уголок тонких губ Затёртого едва заметно дрогнул, а в глубине бесцветных глаз блеснуло холодное удовлетворение. Он снова расставил фигуры на доске по своему усмотрению. Теперь пешка делает ход, который решит исход партии. Староста поймёт, кто здесь игрок, а кто — разменная монета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.